"Яманаси Ханзо", Абэ Нобуюки. Большое спасибо за то, что так хорошо заботитесь о культурном наследии Кореи. Этот мальчик отныне будет хорошо заботиться о них, хорошо? О, и я обязательно навещу ваших потомков и передам им привет". Несколько хорошо поставленных ударов могут сделать это, вы согласны?

"Кроме того, черт возьми. Мой учитель действительно знает свое дело. Сколько бы этот непобедимый Восточный Мечник ни кичился своим величием, он все равно не более чем Сунь Укун, танцующий на ладони старого монаха, не так ли?".

Количество и качество коллекции Яманаси были настолько потрясающими, что даже Му Санг в конце концов напевал про себя какую-то чепуху.

Некоторое время назад он пытался вернуть горстку корейских культурных ценностей во Францию, но его со смехом выгнали из комнаты. Он покраснел, когда заговорил о слабой политике корейского правительства в отношении собственных культурных ценностей и об уровне осведомленности корейца в этом вопросе.

Если бы губернатор Яманаси не приложил столько усилий, чтобы собрать эти артефакты, и если бы Абэ не скрывал их так тщательно, то все эти важные культурные ценности растворились бы в воздухе, как чей-то подлый пук. От одной мысли о такой возможности Му Санг чуть не упал в обморок.

Если бы тысячи культурных ценностей уровня национального сокровища были тайно переправлены в Японию, то не стоило бы и сокрушаться по этому поводу, не было бы никакого шанса вернуть их.

Му Санг также получил бонус: когда Сунь У Банг На прочитает историю антиквариата, они узнают личности про-японских предателей, посмевших выдать собственное культурное наследие. Было бы правильно, если бы их поместья, приобретенные в награду за про-японскую позицию, были отняты у них в качестве справедливого вознаграждения.

'Хе-хе~! В этом мире нет такого понятия, как бесплатный обед, не так ли? Поскольку вы двое обрели духовную силу, пришло время поработать на общественных началах".

Му Санг оглянулся на Сунь У Банг На, на его губах застыла странная ухмылка. До этого момента она была совершенно потрясена видом великолепного официального платья, подобающего императрице, но его мерзкая ухмылка заставила ее опомниться.

Ее духовные силы, подобающие могущественному мудангу, уловили зловещее предчувствие. Но даже бог, вселившийся в нее, Чон У-чи, не мог предположить, что ее ждет каторжный труд - запереть в подвале на пять месяцев, не делая ничего, кроме идентификации антиквариата и подробного описания его истории.

*

"О, великий бог, я нашел золото, сэр!" крикнула Ма Го из глубины хранилища.

"Золото? Золото - это просто золото, не так ли?" Му Ссанг ответил безразлично. Какое ему дело до нескольких кусков золота, когда культурные ценности уровня национального сокровища были разбросаны практически повсюду?

"Здесь их довольно много, господин. Пожалуйста, подойдите и убедитесь в этом сами".

Конечно, никто не стал бы игнорировать бесплатное золото. Му Ссанг неторопливо прогуливался в сторону более глубокой части хранилища, сложив руки за спиной. Трапециевидный предмет в руке Ма Го блестел золотым оттенком в свете лампы.

На поверхности слитка все еще были хорошо видны выгравированные японские буквы "Showa 15-nen" (1940 год н.э.) и 3 000 г. Внутри изысканного деревянного сундука находилось десять ромбических слитков, каждый весом 3 кг. А всего в этом месте было 120 сундуков одинакового размера, аккуратно сложенных в кучу.

"Хеол! Какого черта их так много?! Аха, это же должны были быть военные фонды для японцев, не так ли?"

Губы Му Ссана расширились в огромной ухмылке. Ходили слухи о том, что японский императорский штаб спрятал военные фонды в Самджиёне, Гунсане и Тэгу после того, как почувствовал свое неизбежное поражение в войне. И один из этих слухов оказался правдой.

[Хе-хе, тебе лучше сдаться сейчас. Невозможно убить всех этих людей и спрятать их тела.

И как только начнут прибывать люди из нашей основной семьи, все это место будет полностью уничтожено. Первыми исчезнут дети].

Му Санг вспомнил лицо Абэ Асотаро, извергающего яд, а его крысоподобные глаза метались по сторонам.

"Хм, даже у этого сопляка Абэ было свое применение, не так ли? Похоже, мне следует нанести визит высшему руководству JSDF и выразить свою благодарность или что-то в этом роде..."

Уголки губ Му Ссана хитро изогнулись. Если бы не угроза Абэ Асотаро, он бы вообще не купил Ин Э Вон. Этот панк оказался внуком Абэ Нобуюки, 9-го генерал-губернатора Кореи.

Му Санг почувствовал, как десять лет сдерживаемой досады улетучиваются, когда подумал о том, что семья Абэ сходит с ума от желания "вернуть" коллекцию Яманаси. Если бы только этот идиот Абэ не угрожал жизни маленьких детей - он не оказался бы рабом в Африке.

*

Неприязнь Му Ссанга к Японии и японскому народу была несколько жестче, чем то, что большинство корейцев думали о своих соседях. Как человек должен обладать человечностью, чтобы жить по-человечески, так и нация должна обладать "национальным достоинством", если она хочет стоять на высоте как государство. По мнению Му Ссанга, Японии не хватало этого национального достоинства.

Он не сожалел о том, что Япония оккупировала Корею в течение 36 лет. Закон существовал как последний бастион в личных и общественных делах, но в делах наций сила нации господствовала. Возможность войн между нациями была постоянной, и если сила нации была слабой, она могла оказаться колонизированной другими. Суть вопроса заключалась в национальном достоинстве.

Дело было не в том, что лишь небольшая часть населения вела себя нелогично. Скорее, вся японская нация сама вела себя как сумасшедшая. Достаточно прочитать или послушать немного о прошлом Японии, чтобы большинство людей кивнули головой.

Последнее столетие или около того для Японии было периодом коллективного безумия.

Начиная с китайско-японской войны, миллионы молодых людей были брошены на мрачные поля сражений под предлогом патриотизма и верности. От середины Маньчжурской равнины до островов Тихого океана эти молодые люди умирали от голода и болезней.

Нация, которая насильно тащила детей, еще не достигших половой зрелости, в зоны боевых действий, чтобы использовать их в качестве сексуальных рабов. Нация, которая отказалась дать право голоса переселенцам из других стран, хотя их насильно тащили в Японию. Нация, которая до сих пор позволяет роже Ито Хиробуми украшать валюту самого высокого номинала в обращении. Все эти граждане Чосона были насильно заключены в тюрьму. Нация, которая с гордостью пыталась зарегистрировать остров Броненосца (также известный как Хасима, печально известный своими адскими шахтами) в качестве объекта всемирного культурного наследия, несмотря на то, что кровь и обида насильно призванных китайских рабочих пропитали весь остров...

Япония была именно такой нацией.

На этом дело не остановилось; Япония также постоянно поступала жестоко по отношению к своим собственным гражданам. В число призванных в армию во время войны так называемых "женщин для утех" входили не только женщины Чосона, но и японки. Кроме того, именно Япония принуждала собственных пилотов совершать самоубийственные атаки, заправляя истребители "Зеро" топливом, которого хватало только на полет в один конец.

Акт сэппуку (самоубийство путем выкидыша) японского писателя Мисимы Юкио, который произошел после войны, обнажил то, какой нацией была Япония. В тот день в 1970 году Мисима Юкио и четверо его последователей захватили штаб-квартиру Сил самообороны Японии и заявили следующее:

[Те, кто хранит душу Японии, - это Силы самообороны. Защита Японии означает, что вы защищаете ее кровь, ее культуру, ее традиции. Вы все самураи. Почему вы защищаете конституцию, которая отрицает то, чем вы являетесь? Есть ли еще кто-нибудь, кто желает последовать за мной?!]

После своей речи Мисима Юкио вскрыл себе живот кинжалом.

Его последователь, человек по имени Морида, затем обезглавил его мечом.

Средства массовой информации и политики преподнесли его ужасный последний поступок как нечто достойное восхищения, пример для подражания. После этого его слава как писателя взлетела до небес. Япония была той страной, которая сходила с ума по такому безумцу, как Мисима Юкио.

Китай также совершил много неблаговидных поступков на Корейском полуострове, но его проступки были практически похоронены и не замечались жестокими и поистине злыми деяниями японцев. Говоря иначе, вы могли забыть о парне, ударившем вас по лицу, но вы никогда, никогда не сможете забыть ублюдка, который содрал с вас кожу и посыпал раны солью.

Не существует срока давности, чтобы очистить плохую историю. Японские политики и СМИ утверждали, что настало время зарыть топор войны, который только усугубил международную вражду, и вместе двигаться к лучшему будущему. Но это была просто софистика.

Настоящее было мостом, соединяющим прошлое и будущее. Настоящее может учиться только на прошлом, так как же можно предлагать похоронить и забыть прошлое?

Некоторые люди могут сказать, что в японском правительстве сейчас работает довольно много прокорейских политиков, но это всего лишь выдача желаемого за действительное. Большинство японских политиков, работников СМИ и ученых до сих пор не расстались с коварной мечтой о так называемой Сфере совместного процветания Большой Восточной Азии.

Что касается так называемой прокорейской фракции, то в них просто было немного сочувствия, они были готовы бросить несколько кусков хлеба своим менее удачливым соседям. Но если бы Корея выросла до уровня угрозы для Японии, они бы немедленно начали бросать камни.

Япония как нация не обладала таким национальным достоинством. До тех пор, пока что-то шло на пользу им самим, им было наплевать на причинение боли и страданий другим народам.

Именно по этой причине Му Ссанг с глубокой настороженностью относился к частым встречам между японским Naicho (Офисом разведки и исследований кабинета министров) и Отделом специальных мероприятий ЦРУ.

*

"О, великий бог. Как вы думаете, сколько стоит этот предмет?" спросила Ма Го дрожащим голосом.

У нее возник вопрос о попытке оклеветать останки отца великого бога после того, как жалкие два миллиона вон сумели ослепить ее. Несмотря на то, что она поборола свою жадность, притяжение сверкающего золотого слитка все равно оказалось очень сильным.

Му Санг резко вернулся на землю от ее вопроса и быстро начал подсчитывать в уме. 120 сундуков, каждый из которых весит 30 кг, означают 3 600 кг в сумме. На Лондонской золотой бирже цена золота в 1985 году составляла $360 за унцию. Один килограмм стоил около 12 миллионов вон на международном рынке или 18 миллионов на корейском.

Он даже не сделал ничего особенного, но сумма в 64,8 миллиарда вон просто упала с небес и приземлилась на его колени. На самом деле, это было больше похоже на то, что Абэ Нобуюки вежливо преподнес ему все на серебряном блюде.

"Это около 65 миллиардов вон", - ответил Му Санг незаинтересованным голосом.

Правило предельной полезности применимо и к золоту; 64,8 миллиарда вон - это, конечно, не мелочь, но Му Санг в последнее время работал с большими цифрами, и эта сумма его ничуть не шокировала. Кроме того, богатство в пределах разумного считалось хорошим, а непомерное богатство сулило одни неприятности.

"Блин... Что это со мной такое? Я изо всех сил стараюсь не тратить деньги, но их все больше и больше скапливается перед глазами!" Му Санг беззаботно изрекал какие-то глупости, которые вызвали бы гнев даже самых добрых людей.

Нить судьбы, конечно, была таинственной, не так ли? Он встретил Хён Дона в ресторане "Дэдок", потом избил Абэ и его банду, пытавшихся сжечь "Ин Э Вон", потом, сжалившись над детьми, Му Санг купил это место.

Он дал монаху Бом У двадцать миллионов вон, вдвое больше рыночной ставки, чтобы монах мог купить еще лучшее место для детей. Эти двадцать миллионов вернулись в виде прибыли в тысячи раз большей.

"О, господин великий бог... Ч-что нам делать со всем этим золотом, господин?" Ма Го, явно ошеломленный количеством, начал беспокоиться о ненужных вещах.

Му Ссан ответил: "Кто-то однажды сказал, что зарабатывать деньги - это техника, а тратить деньги - это искусство. Множество людей не могут выбраться из тени этого мира только благодаря своим усилиям.

"Есть сироты. Некоторые старики еще не могут отдохнуть и нуждаются в продолжении жизни. И слишком много детей погибает, работая на заводах. Для всех тех, кто борется за свою жизнь в грязи, и всех тех, кто отстал от жизни и выброшен самим обществом... Я думаю создать приют, где они смогут подготовиться ко второй жизни".

"Со всеми этими сокровищами, сэр? Но ведь сказано, что даже нация не может спасти человека от нищеты, господин".

Му Ссан безмолвно уставился на Ма Го. Эта женщина могла бы стать великой знаменитостью, если бы отбросила свои мирские желания. Но она не могла избавиться от одного желания, и это мешало ей продвигаться вперед. Процесс пробуждения, прозрения не так прост, как логика и понимание того, что правильно, а что нет.

"Ма Го, эта поговорка - не что иное, как презренная отговорка, придуманная политиками, глубоко запятнанными своей жадностью. Ничто в этом мире не принадлежит тебе по-настоящему. Богатство остается с тобой или перетекает к кому-то другому в зависимости от судьбы. Разве вы просто сидите на всей накопленной духовной силе и ничего с ней не делаете? Конечно, нет, вы используете свою накопленную силу, чтобы помочь устранить беды мирских людей, не так ли?

"Учитель распространяет свои знания среди учеников. Богатство подобно этому. Неважно, много у тебя его или жалко мало, богатство - это то, что отдает тот, у кого оно есть, тому, у кого его нет".

Ма Го задохнулась от головокружения, как будто в нее ударила молния.

Слова великого бога потрясли ее шестидесятилетнюю жизнь до самых корней. Ма Го опустилась на место и погрузилась в раздумья.

Лицо Сунь У Бань На окрасилось в насыщенный красный цвет.

*

Му Санг почувствовал беспокойство. Теперь, когда разделенное пространство было разрушено, влажность и смена температур скоро начнут влиять на антиквариат. Мало того, что у него не было подходящего места, куда можно было бы перенести эти вещи, так еще и перевезти тысячи коробок было бы весьма проблематично. Единственное, что он мог придумать, - это снова закрыть это место, а затем построить новое хранилище в Булло-доне, его новом доме.

"Сунь У Бан На, вы можете установить формацию или барьер, который сможет поддерживать температуру и влажность?".

"Мои извинения, о великий бог. Я не знаю такой техники. Но если это барьер, который может скрыть здание или защитить от злоумышленников, то да, я могу это сделать, господин".

"Хорошо. Установите барьер прямо сейчас, чтобы скрыть этот подвал, а затем временно перенесите свою резиденцию в Ин Э Вон. Перед отъездом в Новатопию вы двое останетесь здесь и запишите истории этих антиквариатов. Заодно составьте список про-японских коллаборационистов".

"Ик?! Вы имеете в виду, каждого из них, сэр?" Выражение лица Сун У Бан На мгновенно помялось.

Даже если бы она работала вместе со своей дочерью, им пришлось бы сидеть здесь взаперти в течение следующих шести месяцев, выливая каждую каплю своих духовных сил до крови из ноздрей.

Она с нетерпением ждала возможности продемонстрировать свою возросшую духовную силу, но теперь ей предстояла незавидная перспектива переработать себя до смерти в каком-то подвале. Радость от открытия утраченного культурного наследия своей страны мгновенно остыла.

"Что случилось? Не хочешь?"

"Н-нет, сэр. Конечно, нет. Это достойная задача, согласитесь! Эта девушка счастлива, господин. Да, она... действительно счастлива", - ответил Сунь У Бан На, обливаясь холодным потом.

Великий бог обращался с ней, не заботясь о статусе человека, и это заставило ее на время забыть о своем положении.

Но Ма Го ухмылялась от уха до уха. Даже если бы великий бог сказал ей: "Сделай мне иглу, сбрив эту металлическую дубину!", она бы поверила, что полностью наслаждается процессом.

*

Гамулчи (велосипед Му Ссанга) въехал в узкий переулок, окруженный домами с черепицей, плитами и шифером в качестве крыш.

"А? Эти сопляки все еще перекапывают дорогу, когда им вздумается!"

Только в прошлом году переулок был вымощен камнем, но сейчас он находился в состоянии полного запустения. Судя по всему, акция по "ремонту" отличной дороги только для того, чтобы получить дополнительный бюджет, не изменилась. Не имея выбора, Му Санг припарковал свой мотоцикл у дороги.

Му Санг открыл темную дверь из веток у каменной стены. Она была покрыта грязью уходящего времени. Он не чувствовал никакого присутствия внутри дома. Не чувствовал он и старуху, которая обычно моргала опухшими глазами и спрашивала: "О, мужчина Чжин Сун дома?".

"Но она уже должна быть дома с работы... Мм?"

Он наконец-то почувствовал присутствие человека на заднем дворе. Но когда он пришел туда, Му Санг был вынужден задержать дыхание. Присутствие принадлежало Чжин Сун, одетой в белый джоксам (традиционный корейский летний жакет без подкладки для женщин) и юбку из ткани рами. Благодаря ее стройной фигуре ханбок ей очень шел.

Под каменной стеной, за которую цеплялись плющ и мускадиновые лозы, стоял небольшой

обеденный стол с кабриолями. На столе лежал пучок омелы и чаша с очищенной водой. Чжин Сун говорила, как муданг, совершающий обряд приветствия бога-домоправителя, когда она начала говорить сама с собой.

[О, мой возлюбленный. Ты уходишь, уходишь, снова уходишь и снова уходишь. Как может наша встреча быть такой короткой, а прощание - таким мучительно долгим? Ты на другом конце Земли, но я здесь.

Я не боюсь далекой и трудной дороги, но боюсь, что моя дорогая будет в тревоге.

Должна ли я доверить свое сердце ветрам или волнам и отправить его к нему?

Плоды омелы созревают, но мое сердце остается пустым. Хотя бабочки слетаются, когда распускаются цветы, и горные птицы прилетают, когда созревают плоды омелы... Хотя мое сердце так созрело, мой жестокий возлюбленный не бросает на меня ни единого взгляда.

Даже если задница расширилась, мой возлюбленный все еще не знает, как ее оттопырить. Прекрасно. Делай, что хочешь. Ты знаешь про омелу и елку? Тебе лучше подготовиться. Как омела закапывает свои корни, так и я воткну в тебя свою соломинку и заполню оставшиеся годы беспрецедентным нытьем...].

'...Что?! Я в жопе!

Му Санг втянула холодный воздух. Ее длинный монолог начинался хорошо, но по мере его продолжения становился все более извращенным. Он почувствовал, как у него похолодела спина от твердой решимости Чжин Сун, сделанной с помощью омелы и чаши с очищенной водой.

Будда говорил, что в этом мире есть четыре типа "хороших" жен. Первый - жена, подобная матери; второй - жена, подобная сестре; третий - жена, подобная другу; четвертый - жена, подобная слуге. Но ни один из этих типов не включает в себя жену, которая клянется выкопать свои корни и изводить вас до смерти!

Про "омелу и дерево" он рассказал Чжин Сун прошлой зимой. Омела была вечнозеленым кустарником, то есть она оставалась зеленой круглый год. Зимой листья опадают, и растение выглядит увядшим, поэтому оно символизировало целомудрие и верность.

Пара" омелы уже была определена: Taxillus yadoriki рос только на дубах, а Korthalsella japonica - только на камелиях. То же самое можно сказать и об омеле, растущей на каштане, ольхе и березе. Именно поэтому омелу обычно сравнивают с совместимой парой.

Однако молодое дерево может засохнуть и погибнуть от того, что омела высасывает из него слишком много питательных веществ. При этом погибнет и сама омела. Поэтому это растение символизировало пару, которая стареет вместе.

Это также было причиной, по которой в западноевропейских странах, таких как Франция и Германия, просили руки партнера под омелой.

Конечно, это не более чем произвольная интерпретация людей.

http://tl.rulate.ru/book/75373/2166063